

УДК 902/908(47)КРЫМ

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ХОРЫ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО В 1783–1960-Е ГГ.¹

Смекалова Т. Н.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: tnsmek@mail.ru*

Античная система межевания на ближней хоре Херсонеса Таврического является важнейшим археологическим источником по экономической, социальной и политической истории раннего демократического государства. Значимость этого памятника была признана мировым научным сообществом: с 2013 г. Херсонес и его сельская территория вошли в список объектов культурного наследия ЮНЕСКО. Еще в начале и середине XX в. остатки древнегреческой межевой системы на Гераклеяском и Маячном полуостровах были уникальными по своей сохранности для всего средиземноморско-черноморского региона. В настоящее время этот эталонный памятник в значительной степени уничтожен в ходе военно-хозяйственного освоения и роста города Севастополя. Поэтому в наши дни одним из важнейших источников для изучения системы древнего межевания хоры античного Херсонеса являются архивные данные о проводившихся здесь до 1960-х гг. полевых археологических исследованиях, топографической фиксации земельных наделов и усадеб, картографировании.

Ключевые слова: Херсонес Таврический, Гераклеяский полуостров, хора, античная система межевания, история исследования ближней хоры.

К счастью для науки, важность изучения остатков древней межевой системы была понята уже давно, и начальная картографическая фиксация древнего культурного ландшафта Гераклеяского полуострова была проведена сразу же после присоединения Крыма к России. В конце 1773 г. три корабля Азовской флотилии зимовали в Балаклаве. Командир эскадры Кинсберген использовал это время зимы для организации топографических съемок новых земель, которые проводились во главе со штурманом Иваном Батуриным. Итогом этих работ в числе прочих была «Карта Ахтиарской гавани с промером берегов от устья Черного моря, вокруг оной гавани до города Инкермана и с положением оного по мере и инструменту с профилем г. Инкерман» (Российский государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ), ф. 1331, оп. 4, д. 428, л. 1-2). Помимо чисто топографических подробностей, на его карте имеются «археологические достопримечательности», разыскивать и описывать которые было предложено командованию русских судов, появившихся на Черном море [3, с. 200–201]. Так, на этой карте достаточно точно показаны херсонесские боевые стены, а на приложенной виньете был дан вид всего городища (рис. 1).

¹ Статья написана при финансовой поддержке гранта РФФИ-а № 18-09-00134-а «Реконструкция античного земельного кадастра Херсонеса Таврического по данным письменных источников, исторической картографии, дистанционных, геофизических и геоинформационных методов».

Рис. 1. Вид на Херсонес. Увеличенная часть карты Ахтиарской гавани, составленной «штурманом ранга прапорщика Иваном Батуриным» 1773 г. Из собрания РГАВМФ, ф. 1331, оп. 4, д. 428, л. 1–2

Если на двух ранних картах – «Ахтырской гавани... от мыса Херсона до устья р. Бельбек» 1783 г. и «Плане в Крымском полуострове Ахтырской гавани с округе лежащем местоположением» 1785 г. – показаны только границы развалин древнего Херсонеса, то очень скоро ситуация меняется.

По приказу Г. А. Потемкина началось комплексное научное изучение новых земель. В 1786 г. топографом 2 класса Пепелевым под руководством путешественника-естествоиспытателя, члена-корреспондента Петербургской Академии наук К. И. Габлица была создана первая в мировой науке тематическая историко-археологическая карта, отображающая хорошо видимые тогда остатки загородных усадеб и античной межевой системы (рис. 2) [22, с. 485–487, рис. 137]. Фактически, это наиболее ранний пример комплексного экосистемного подхода эпохи Просвещения, когда объекты природы и старины картографически зафиксированы как единое целое. План Пепелева был затем скопирован Ананием Строковым и опубликован В. Д. Блаватским [4, с. 36–37], который тем самым ввел его в современный научный оборот [24, с. 16]. Этот план по сей день используется учеными по всему миру как основной и классический источник по изучению пространственной организации античного полиса и его хоры (рис. 3).

Хлынувшие в Тавриду после ее присоединения к России ученые и любопытствующие путешественники оставили многочисленные заметки о херсонесских наделах, но никакие из последующих карт и схем XVIII века округа Херсонеса не могут сравниться по полноте и информативности с первым подробным планом Херсонесской межевой системы 1786 г. Схематический план древних дорог и следов стен на Маячном п-ве оставили в 1794 г. ученый-энциклопедист, академик П. С. Паллас и английский путешественник Э. Д. Кларк. Однако чертеж Маячного п-ва, сделанный ими и помещенный в картуше перед главой в книге Э. Д. Кларка [26], и сопутствующее краткое описание не обладают необходимой точностью, достоверностью, детальностью и информативностью.

Зато эти качества в гораздо большей степени присущи плану Херсонесской хоры начала 1830-х гг., составленному швейцарским натуралистом Фредериком Дюбуа де Монпере (рис. 4), на котором отмечены основные линии дорог, а также впервые – внутренняя структура некоторых участков (рис. 5). Исследователь провел на Гераклеяском п-ве около двух месяцев, во время которых спешил сделать зарисовки

усадеб и отдельных античных объектов на хоре, стремительно исчезающих из-за строительства города Севастополя. Как установил А. Н. Щеглов, Дюбуа де Монпере использовал карту из атласа Манганари в качестве топографической основы для нанесения археологических объектов. По сравнению с планом 1786 г. план Дюбуа де Монпере отличается большей детализацией археологических объектов, но меньшей точностью линейных и угловых измерений [23]. Хотя трассы межевых дорог на этом плане не всегда совпадают с действительностью, оставленные исследователем чертежи чрезвычайно важны как достоверные свидетельства об исчезающих или уже погибших античных руинах [22, с. 491–494]. Исследования Дюбуа де Монпере на херсонесской хоре были изданы в 5 и 6 томах его книги о путешествиях на Кавказ и в Крым, а также в виде роскошного атласа, который был выпущен в Невшателе, в Швейцарии при финансовой поддержке русского правительства и лично Николая I [27]. План Гераклеийского п-ва Дюбуа де Монпере был много раз повторен в разных изданиях, в том числе использован в английской карте 1855 г. времен Крымской войны. Г. М. Николаенко удалось локализовать на местности усадьбы, зачерченные Дюбуа де Монпере в его путевом дневнике 1833 г. и приведенные затем в его атласе [14; 15, с. 88, 90, 93, 110, 116, 123, 124, 140, 144, 147].

Рис. 2. «План развалинам древнего Херсона... Сочинения 1786 г. Чертил топограф 2-го класса Пепелев», 1786 г. С подписью К. И. Габлица. Из собрания Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), ф. 846 (ВУА), оп. 16, д. 22741, л. 1

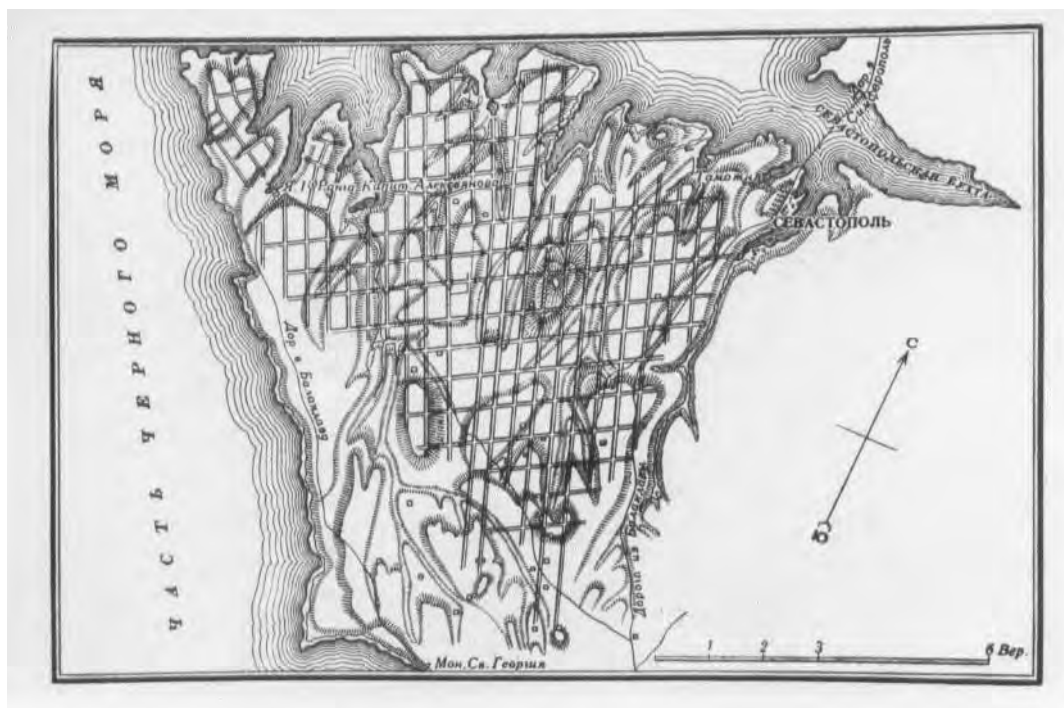

Рис. 3. План Пепелева, скопированный Ананием Строковым и опубликованный В. Д. Блаватским [4, с. 36–37]

Новым этапом исследования ближней хоры Херсонеса стало создание детального плана следов античной межевой системы на точной инструментальной топографической основе. Ровно через сто лет после появления схемы Пепелева, в 1886 г., была создана полуверстовая карта Крыма (масштаб 1:21 000) в рамках передовой для своего времени мензульной геодезической съемки, проводимой Военно-топографическим бюро по всей Европейской части Российской Империи. В Крыму геодезические работы начались в 1886 г., и именно с Севастополя. Благодаря инициативе А. Л. Бертье-Делагарда (рис. 6), военный топограф, титулярный советник Тяпин, проводивший съемку на Гераклейском п-ве, нанес на карту видимые на поверхности древние стены земельных наделов. Однако это коснулось не всех листов карты, отражающих «План Севастополя и его окрестностей», а только западной и юго-восточной частей Гераклейского п-ва (рис. 7). Благодаря помещению на полуверстовую карту, схема земельных наделов получила точную топографическую привязку. При последующих отпечатках этой карты для нужд армии в масштабе 1 верста в 1 английском дюйме (1:42 000) вся археологическая нагрузка была с нее снята, поэтому следы древней межевой системы остались только на архивных экземплярах полуверстовой карты, хранящихся в РГВИА (ф. 418, оп. 1, д. 748). Вновь — и уже в последний раз — границы древних полей появляются на топографических картах масштаба 1:25 000 в 1957 г. и масштаба 1:10 000 в 1972 г.

Рис. 4. Дюбуа де Монпере (1798–1850).

В 1890–1891 гг. была найдена знаменитая херсонесская присяга (по образному выражению Ю. Г. Виноградова, «жемчужина причерноморской эпиграфики»), коренным образом изменившая представления об истории всего дорийского полиса (IosPE I², 401) (рис. 8). Она была обнаружена на центральной площади города, около Владимирского собора (верхняя и нижняя части – в 1890 и 1891 гг., небольшой фрагмент – в 1899 г.) и оперативно опубликована В. В. Латышевым уже в следующем году после счастливой находки [12, с. 9–11]. Присягу многократно переиздавали и комментировали в отечественной и зарубежной литературе. По мнению большинства исследователей, она датируется началом III в. до н. э.

Примерно в это же время была найдена другая важнейшая надпись, относящаяся к истории херсонесской хоры, так называемая надпись о продаже или аренде земли (IosPE I², 403). Первая публикация основной надписи была сделана В. В. Латышевым в 1892 г. [12]. Наиболее крупный фрагмент (а) надписи, высеченной на обеих сторонах мраморной плиты, был найден в 1890 г. К. К. Косцюшко-Валюжиничем на площади около строящегося Владимирского собора и с тех пор хранится в Херсонесском музее. Небольшой фрагмент (b), отнесенный В. В. Латышевым к этому же документу, найденный в 1879 г., находился сначала в Одесском музее, а затем в 1965 г. был передан в Херсонесский музей для воссоединения с основным фрагментом надписи. В 1983 г. С. Г. Рыжов в том же районе Херсонеса, в квартале IX, помещении 10, нашел еще два небольших фрагмента (с и d) от той же плиты [19, с. 79, 80], которые соединились с ранее найденными (рис. 9). Тогда же в засыпи подвала дома 16 был найден еще один фрагмент сходной по смыслу и шрифту надписи, но выбитой на другом камне [19, с. 79, 80].

Рис. 5. План кадастра Херсонеса Таврического, приведенный в Атласе Дюбуа де Монпере. [no: 27, Planshe XX]

В 1902 г. Ф. Ф. Соколов, рецензент *IosPE* ¹ В. В. Латышева, в связи с частым повторением гапаксного термина «гекаторюг» в этой надписи предложил правильную и принятую в настоящие дни трактовку этого термина как названия модульного участка, обозначающего единицу измерения площади, подобного гектару. Однако Ф. Ф. Соколов неверно считал, что в нем было 10000 кв. локтей [18, с. 225–231]. На самом деле *гекаторюг* – это квадрат со стороной в сто оргий, который был единичным гражданским земельным наделом на хоре Херсонеса [17, с. 315–321].

Маячный п-в, на котором была зафиксирована наиболее ранняя межевая система Херсонеса, стал объектом пристального внимания исследователей и остается им до сих пор. По рекомендации М. И. Ростовцева, признающего огромную значимость этого открытия для всего Средиземноморья и Причерноморья, здесь в 1910–1912 гг. были проведены детальные топосъемки сохранившихся земельных участков. Полуверстовая карта 1886 г. послужила основой для первого специального археологического плана Маячного п-ва, выполненного артиллерийским офицером Н. М. Печениным (1871–1918?) (рис. 10) совместно с архитектором

¹ Гапакс (греч. ἁπλᾶς λεγόμενον – «только раз названное») – слово, встретившееся в некотором корпусе текстов только один раз.

С. С. Некрасовым в 1905–1911 гг. Несмотря на то, что план этот оказался несколько неточным [23, с. 16], он вошел во многие последующие научные работы, посвященные начальному периоду размежевания херсонесской хоры [2, с. 36, рис. 5; 4, с. 42, рис. 15; 5, с. 49, рис. 18; 20, рис. 2а; 24, с. 17; 25, с. 12–16, рис. 3, 6].

Рис. 6. Александр Львович Бертье-Делагард (1842–1920).

На основе чертежа трех равных по площади земельных наделов в западной части Маячного п-ва в районе раскапываемой усадьбы № 4, выполненного С. С. Некрасовым, Н. М. Печенкину впервые в античной археологии удалось правильно выявить греческий стандартный земельный участок, равный примерно 4,5 га.

Эти исследования были продолжены Л. А. Моисеевым (1882–1946) (рис. 11), который сверил карту Пепелева, планы из атласа Дюбуа де Монпере и съемку археологических объектов Тяпина. В 1927 г. Л. А. Моисеев провел работы по дополнению плана Пепелева в южной части хоры и по проверке карты Дюбуа де Монпере в районе Карантинной балки. Л. А. Моисеевым был составлен детальный план земельных участков между балками Верхне-Юхариной и Бермана на основе полуверстовой карты 1886 г. съемки Тяпина (Архив ГИКЗ ХТ, д. 1576, л. 7–8, л. 28). Л. А. Моисеев изучал водоснабжение Херсонеса и оставил схему расположения керамических водопроводов на хоре [13]. Именно Л. А. Моисееву принадлежит честь открытия и графической фиксации основного стандартного земельного участка на хоре Херсонеса, заключенного между продольными и поперечными дорогами,

равного 200х300 саж. (420х630 м), площадью 26,5 га (Архив ИИМК РАН, д. 1928, л. 6) [20, с. 20; 22, с. 497].

Говоря об истории изучения хоры Херсонеса, нельзя обойти вниманием деятельность Севастопольского музея краеведения, который был основан при общеобразовательном техникуме им. М. В. Ломоносова Народного комиссариата просвещения Севастополя в сентябре 1923 г. Создателями музея являлись преподаватель истории П. П. Бабенчиков (1882–1947) (рис. 12), преподаватель литературы В. П. Бабенчиков (1885–1974) и преподаватель физиологии Ю. П. Твердохлебов [1, с. 25–26].

Рис. 7. «План Севастополя и его окрестностей», съемка военного топографа, титулярного советника Тяпина, 1886 г. Из собрания РГВИА, ф. 418, оп. 1, д. 748.

В задачи музея входили систематическое обследование и регистрация археологических памятников Гераклейского п-ва в виде «башен» (остатков древних усадеб), селищ, пещер и т. д. В течение ряда лет до 1930 г. заведующий музеем П. П. Бабенчиков с молодыми работниками (рис. 13) провел до 40 маршрутов по обследованию памятников Гераклейского п-ва. Было зарегистрировано и измерено свыше 80-ти античных усадеб, составлен археологический план Гераклейского п-ва с нанесением обнаруженных памятников. В детальных осмотрах сельской периферии Херсонеса со стороны Херсонесского музея принимали участие его директор К. Э. Гриневич и сотрудники Г. Д. Белов и Н. М. Янышев. Коллекция фотоснимков,

исполненных в основном П. П. Бабенчиковым, поступила в фотоархив Херсонесского музея. Собранный фактический и графический материал позволил К. Э. Гриневичу поставить вопрос о новых раскопках на полуострове. Кадры Севастопольского музея краеведения пополнялись местной молодежью, работающей с подлинным энтузиазмом. Среди них были братья Е. В. и Б. В. Веймарны, С. Ф. Стржелецкий [1, с. 25–33].

Детальная топографическая фиксация античных земельных наделов продолжалась и в 1930-е гг. В 1931 г. в экспедиции К. Э. Гриневича (1891–1970) (рис. 14) архитектором П. С. Касаткиным был составлен план группы земельных участков на территории, прилегающей к Херсонесскому мысу [6].

В 1932 г. сотрудник Государственного Херсонесского музея Н. М. Янышев (1859–1938) (рис. 15) составил два схематических плана Гераклеяского п-ва и «Краткое описание древних сооружений», находящихся на нем (Архив ГИКЗ ХТ, д. 570). На этих планах обозначено местоположение и проставлены номера усадеб, нанесены следы древних дорог. Н. М. Янышев попытался нанести на план также следы древних стен, видимых в северо-западной части хоры, но очертания основных участков на этой карте теряются среди остатков стен внутренней размежевки, а направление магистральных дорог на его плане не прослеживается [11, с. 9]. Все это умаляет значение работ, проведенных Н. М. Янышевым, но важно то, что к описанию каждой усадьбы он приложил сделанную от руки картографическую привязку к хуторам и дорогам, что делает возможным определение точного местоположения древних строений.

В 1935 г. Е. В. Веймарном (1905–1990), тогда сотрудником Севастопольского музея краеведения, было сделано краткое описание усадеб, которые были обнаружены в ходе разведок музея на Гераклеяском п-ве (Архив ГИКЗ ХТ, д. 1404/1). Эти результаты были им затем обобщены в обстоятельном обзоре исследований, посвященных памятникам полуострова, подготовленном в ИИМК к печати в «Гераклеяском сборнике», но оставшемся до 2018 г. неопубликованным (Архив ИИМК РАН, ф. 35, оп. 2, д. № 452).

Е. Г. Суров в 1940 г. защитил диссертацию на тему «Виноградарство и виноделие в Херсонесе Таврическом», основные положения которой затем были отражены в специальной статье [21, с. 93–128]. В этой работе Е. Г. Суров подвел итог исследованиям на хоре и, помимо вопросов, связанных с виноделием, также рассмотрел историю исследования сельскохозяйственной территории Херсонеса, систему размежевания, время возникновения виноградников. Он впервые обратил внимание на схожесть фортификационных сооружений на перешейке Маячного п-ва и остатков укрепления, отмеченного П. С. Паласом в районе Мраморной балки, недалеко от Георгиевского монастыря [21, с. 212; 16, с. 98], что позволило говорить о существовании системы укреплений в разных частях хоры. Анализ всех известных к тому времени построек на сельской территории Херсонеса привел его к выводу, что они были хозяйственными комплексами херсонеситов, где велось не только выращивание, но и переработка винограда.

1 ΜΝΥΩΔΙΑΓΑΝΑΛΙΟΝΠΑΡΘΕΝΟΝ
ΕΟΥΣΟΛΥΜΠΙΟΥΣΚΑΙΟΛΥΜΠΙΑΣ
ΑΙΗΡΩΣΕΩΣΙΠΟΛΙΝΚΑΙΧΩΡΑΝ
5 ΚΑΙΤΕΙΧΗΕΧΟΝΤΙΤΑΧΕΡΣΟΝΑΣΙ
ΤΑΝΟΜΟΝΟΗΣΩΥΡΕΣΩΤΗΡΙΑΣ
ΚΑΙΕΛΕΥΘΕΡΙΑΣΠΟΛΕΟΣΚΑΙΠΟΛΙ
10 ΤΑΝΚΑΙΟΥΠΡΟΔΩΞΟΧΕΡΣΟΝΑΣΟΝ
ΟΥΔΕΚΕΡΚΙΝΙΤΙΝΟΥΔΕΚΑΛΟΝΛΙΜΕ
ΝΑΟΥΔΕΤΑΛΛΑΤΕΙΧΗΟΥΔΕΤΑΣΑΛ
15 ΛΑΣΧΩΡΑΣΑΝΧΕΡΣΟΝΑΣΙΤΑΙΝΕΜΟΝ
ΤΑΙΗΕΝΕΜΟΝΤΟΥΘΕΝΙΟΥΘΕΝΟΥΤΕΕ
ΛΑΝΙΟΥΤΕΒΑΡΒΑΡΩΙΑΛΛΑΔΙΑΦΥΛΑ
ΞΩΤΩΙΔΑΜΩΙΤΩΙΧΕΡΣΟΝΑΣΙΤΑΝΟΥ
20 ΔΕΚΑΤΑΛΥΞΩΤΑΝΔΑΜΟΚΡΑΤΙΑΝΟΥ
ΔΕΤΩΙΠΡΟΔΙΔΟΝΤΙΚΑΚΑΤΑΛΥΟΝΤΙΕ
ΠΙΤΡΕΥΩΟΥΔΕΣΥΓΚΡΥΥΩΑΛΛΑΕ
ΞΑΓΓΕΛΩΤΟΙΣΔΑΜΙΟΡΓΟΙΣΤΟΙΣΚΑ
25 ΤΑΡΟΛΙΝΚΑΙΡΟΛΕΜΙΟΣΕΣΟΥΜΑΙΤΩ
ΕΡΙΒΟΥΛΕΥΟΝΤΙΚΑΙΠΡΟΔΙΔΟΝΤΙΗΑΦΙ
ΣΤΑΝΤΙΧΕΡΣΟΝΑΣΟΝΗΚΕΡΚΙΝΙΤΙΝΗ
ΚΑΛΟΝΛΙΜΕΝΑΗΤΑΤΕΙΧΗΚΑΙΧΩΡΑΝ
30 ΤΑΝΧΕΡΣΟΝΑΣΙΤΑΝΚΑΙΔΑΜΙΟΡΓΗΣΩ
ΚΑΙΒΟΥΛΕΥΞΩΤΑΑΡΙΣΤΑΚΑΙΔΙΚΑΙΟΤΑ
ΤΑΡΟΛΕΙΚΑΙΡΟΛΙΤΑΙΣΚΑΙΤΟΝΣΕΣΤΗ
ΡΑΤΩΙΔΑΜΩΙΔΙΑΦΥΛΑΞΩΚΑΙΟΥΚΕ
35 ΧΦΕΡΟΥΜΕΗΣΩΤΩΝΑΡΟΡΡΗΤΩΝΟΥ
ΘΕΝΟΥΤΕΡΟΤΙΕΛΛΑΝΑΟΥΤΕΡΟΤΙΒΑ
ΒΑΡΟΝΟΜΕΛΛΕΙΤΑΜΡΟΛΙΝΒΛΑΡΤΕΙΝ
ΟΥΔΕΔΩΡΕΑΝΔΡΕΩΟΥΔΕΞΟΥΜΑΙ
40 ΕΡΙΒΛΑΒΑΙΡΟΛΕΟΣΚΑΙΡΟΛΙΤΑΝΟΥΔΕ
ΕΡΙΒΟΥΛΕΥΞΩΔΙΚΟΝΠΡΑΓΜΑΟΥΘΕ
ΝΙΟΥΘΕΝΤΩΜΡΟΛΙΤΑΝΤΩΜΗΑΦΕ
ΣΤΑΚΟΤΩΝΟΥΔΕΤΩΙΕΡΙΒΟΥΛΕΥΟΝ
45 ΝΙΑΛΛΕΙΣΑΓΓΕΛΟΚΑΙΚΡΙΝΩΨΑ
ΚΑΤΑΤΟΥΣΕΝΟΜΟΥΣΟΥΔΕΣΥΝΩΜΟ
ΑΝΣΥΝΟΜΟΥΜΑΙΟΥΤΕΚΑΤΑΤΟΥΚΟΙΝ
ΤΟΥΧΕΡΣΟΝΑΣΙΤΑΝΟΥΤΕΚΑΤΑΤΩΜ
50 ΙΤΑΝΟΥΔΕΝΟΣΕΜΗΑΡΟΔΕΔΕΙΚΤΑ
ΟΛΕΜΙΟΣΤΩΙΔΑΜΩΙΕΙΔΕΤΙΝΙΣΥΝ
ΣΑΚΑΙΕΙΤΙΝΙΚΑΤΑΛΕΛΑΜΜΑΙΟΡ
ΠΕΥΧΑΙΔΙΛΛΥΣΑΜΕΝΩΙΜΕΝΑΝ
55 ΝΟΝΕΙΗΚΑΙΕΜΟΙΚΑΙΤΟΙΣΕΜΟΙΣΕΜΜΛ
ΙΟΝΤΙΔΕΤΑΕΝΑΝΤΙΑΚΑΙΕΙΤΙΝΑΚ
ΣΥΝΩΜΟΣΙΑΝΑΙΣΩΜΑΙΕΟΥΣΑΝ
ΝΟΜΕΝΑΝΕΞΑΓΓΕΛΩΤΟΙΣΔΑΜ
60 ΟΙΣΟΥΔΕΣΙΤΟΝΑΡΟΤΟΥΠΕΔΙΟΥΑ
ΓΩΓΙΜΟΝΑΡΟΔΩΣΟΥΜΑΙΟΥΔΕΞΩ
ΞΩΑΛΛΑΙΑΡΟΤΟΥΠΕΔΙΟΥΑΛΛΗ
ΚΕΡΣΟΝΑΣΟΝΤΕΥΚΑΙΓΑΚΑΙΑΛΙΕ
55 ΠΑΡΘΕΝΕΚΑΙΘΕΟΙΟΛΥΜΠΙΟΙΕΜΜΕΝ
ΤΙΜΕΜΜΟΙΕΥΕΙΗΕΝΤΟΥΤΟΙΣΚΑΙΑΥ
ΚΑΙΓΕΝΕΙΚΑΙΤΟΙΣΕΜΟΙΣΕΜΜΕΝ
ΤΙΔΕΚΑΚΩΣΚΑΙΑΥΤΩΙΚΑΙΓΕΝΕΙΚΑ
65 ΕΜΟΙΣΚΑΙΜΗΤΕΓΑΜΟΙΜΗΤΕΘΑ
ΣΑΚΑΡΡΟΝΦΕΡΟΙΜΗΤΕΓΥΝ
ΝΟΙΕΝΜΗΤΕΙ - ΙΓ - ΘΑΝΑΙ

Рис. 8. Присяга граждан Херсонеса (IosPE I², 401). Плита из белого мрамора, украшенная сверху карнизом и фронтоном. Из собрания Херсонесского историко-археологического музея-заповедника.

Рис. 9. Херсонесская надпись IosPE I², 403 с дополнениями. Из собрания Херсонесского историко-археологического музея-заповедника.

Научный сотрудник Херсонесского музея В. П. Лисин (1913–1942) (рис. 16), проводивший раскопки в 1937 г. между бухтами Камышевой и Омегой, внес существенные поправки в план древних межевых сооружений, отмеченных Тяпиным. В. П. Лисину также принадлежит заслуга первого полного археологического исследования усадьбы на хоре. В 1940 г. он подготовил диссертацию «Античные хозяйства в районе Камышовой бухты (I–IV в.)» (Архив ГИАЗ ХТ, ф. 1, д. 561. 1940 г.), которая, к сожалению, до войны не была опубликована и защищена, а в 1942 г. В. П. Лисин погибает в сражении на подступах к Севастополю. В своей диссертации В. П. Лисин впервые правильно определил, что «основной единицей планирования всей земельной площади был квадрат со сторонами 200 метров и площадью в 40 000 кв. метров. Возможно, такой квадрат

земли назывался в III веке до н. э. ἑκατέρυχος и являлся нормой земельного надела». Он также предложил методику расчетов нормы рабочей силы, урожайности зерновых культур и винограда, высказал важную мысль о концентрации земельной собственности и товарном характере виноградарства в Херсонесе. Все эти вопросы впоследствии были развиты С. Ф. Стржелецким [20].

*Рис. 10. Николай Михайлович
Печенкин (1871–1918?).*

*Рис. 11. Лаврентий Алексеевич Моисеев
(1882–1946).*

В послевоенные годы научный коллектив Херсонесского музея-заповедника предпринял огромные усилия, чтобы зафиксировать быстро исчезающие под современной застройкой драгоценные следы античной межевой системы. Существенно то, что в сферу внимания вошли не только основные, образующие, элементы системы, но и очень важные для характеристики хозяйствования детали внутреннего устройства участков. Силы исследователей были брошены в первую очередь на северные территории, которые подвергались самой срочной застройке. Разведками Гераклеяской экспедиции Херсонесского музея число выявленных усадеб увеличилось до 149 [20, с. 47].

Рис. 12. Павел Петрович Бабенчиков (1882–1947) [по: 1, с. 57].

В 1950-е гг. исследования на хоре проводились в основном под руководством С. Ф. Стржелецкого (1910–1969) (рис. 17), который готовил материалы для своей диссертации, инициированной В. Д. Блаватским [10, с. 109]. В 1953 г. сотрудникам Херсонесского музея удалось проверить на местности общее направление межевых стен, отмеченных на карте Тяпина, путем ее увеличения на участках в районе Круглой бухты [20, с. 15, прим. 5]. С. Ф. Стржелецким был составлен и опубликован общий план размежевания 35 наделов в районе Круглой и Камышевой бухт и детальные планы участков 10, 11, 20, 25, 26 [20, рис. 19–20, 22–26]. Позднее, в 1960-е гг., он совместно с А. Н. Щегловым, Г. М. Кутыкиной (Николаенко) и Е. Н. Жеребцовым провел подобные работы в южной части Маячного п-ва и в северной части Гераклеяского п-ва. Была произведена детальная натурная съемка внутреннего устройства более 80 земельных участков с помощью землемерной ленты, компаса и буссоли в масштабе 1:1000 (рис. 18,а). В настоящее время чертежи, выполненные тушью на кальке, с подписями Г. М. Николаенко и Е. Н. Жеребцова хранятся в научном архиве ГХИАЗ «Херсонес Таврический».

Рис. 13. Первый коллективный фотоснимок сотрудников Севастопольского музея краеведения. В первом ряду сидят слева направо: В. Чепелев, Б. Берлин, П. П. Бабенчиков, В. П. Бабенчиков, Н. Софронова, С. Казарновская, Р. Финкель; во втором ряду – Г. Миронов, И. Каждан, Н. Фишер, А. Троценко, Н. Бельская. 1923 г. [по: 1, с. 32].

На базе материалов изучения внутреннего межевания участков, полученных С. Ф. Стржелецким, В. Д. Блаватский провел подсчеты земли, отводившейся под различные сельскохозяйственные культуры, и, используя данные Катона, – рабочей силы, которая необходима для обработки участков [4, с. 60, 163].

На основании детального анализа пяти клеров на участке между Камышевой и Круглой бухтами исследователь подметил присутствие квадратного модуля с длиной стороны 52,5–53,0 м, который можно проследить на всех наделах, а также общее деление для многих стандартных наделов на квадраты 210х210 м, хотя не сделал дальнейших выводов относительно важности этих величин площадей для понимания структуры межевой системы и величины стандартных участков. С. Ф. Стржелецкий последовал за В. Д. Блаватским и сделал неправильный вывод о том, что в основе измерения площади лежит аттическая оргия (1,77 м) и что «гекаторюг равен сотне квадратных оргий»¹, то есть $3,4225 \times 100 = 342,25$ кв. м.

¹ Правильное определение *гекаторюга* – квадрат со стороной в сто оргий [17, с. 315–321].

*Рис. 14. Константин
Эдуардович Гриневич (1891–1970).*

*Рис. 15. Николай Михайлович Янышев
(1859–1938).*

Помимо этого, С. Ф. Стржелецким был специально рассмотрен вопрос о форме земельной собственности в Херсонесе, для чего он вслед за В. Д. Блаватским привлекает надпись конца IV – начала III вв. до н. э. – государственный акт (IosPE I², 403). Эта надпись свидетельствует о быстрой концентрации земли в руках землевладельческой знати [20, с. 53]. Подмеченный факт был подкреплён полевыми наблюдениями автора в районе Круглой и Камышевой бухт. Так, в III и II вв. до н. э. здесь находилось 35 участков с усадьбами на каждом из них, а в первых веках на этих же участках функционировало только 15 усадеб, хотя участки все еще продолжали обрабатываться.

По мнению С. Ф. Стржелецкого, с самого начала размежевания сельскохозяйственной территории существовало две основных группы частной земельной собственности: средняя и мелкая, а также государственная собственность на землю, выделенную в общее пользование (выгоны для скота, участки, непригодные для обработки, заросшие лесом и т. п.) [20, с. 54].

С. Ф. Стржелецкий детально рассмотрел два основных и взаимосвязанных вопроса организации территории каждого клера: его размежевание и распределение

площади между сельхозкультурами. На примере пяти участков он изучил зависимость внутреннего расположения культур от сторон света, экспозиционных, рельефных и микропочвенных условий, поставил вопрос о применении двупольной системы выращивания зерновых [20, с. 64–65]. По мнению ученого, виноград являлся основной культурой на всех рассмотренных наделах, поэтому С. Ф. Стржелецкий особенно детально проследил технику виноградарства в Херсонесе III–II вв. до н.э. : организацию территории виноградника, посадку, выращивание и уход за лозой, обработку собранного винограда, производство вина [20, с. 66–79]. Им был раскрыт товарный характер земледелия на участках Гераклеяского п-ва, специализирующегося на виноградарстве [20, с. 153].

*Рис. 16. Василий Петрович Лисин
(1913–1942).*

*Рис. 17. Станислав Францевич
Стржелецкий (1910–1969).*

Позднее, в 1969–1983 гг., собрание детальных натуральных чертежей дополнили профессионально выполненные сотрудником Херсонесского музея Е. Н. Жеребцовым (род. 1929 г. – ?) (рис. 19) топопланы участков 49, 52, 53, 55, 61 на юге Маячного п-ва, а также участков 10, 11, 35, 80, 131 (рис. 18,б), 136–138, 140, 141, 146, 147, 402, 198, 380, 402 на Гераклеяском п-ве, построенные с помощью полевых

инструментальных обмеров на основе крупномасштабной карты [8, рис. 1–5; 9, рис. 2–5; 28]. Этим Е. Н. Жеребцов сделал важный вклад в фиксацию и изучение подробной структуры участков. Его план участка № 11 более соответствует действительности, чем несколько идеализированный план С. Ф. Стржелецкого (ср. рис. 20, а, б). Е. Н. Жеребцов сделал вывод о том, что земля на Маячном п-ве размежевана на более крупные, чем считали В. Д. Блаватский, С. Ф. Стржелецкий и А. Н. Щеглов, участки. Е. Н. Жеребцов предполагал, что на Маячном п-ве было всего 22 крупных земельных надела. Он также отвергал мнение Н. М. Печенкина о том, что в IV в. до н. э. на Маячном п-ве располагалось около 100 усадеб, и показал, что в действительности это были постройки разного времени и назначения [9, с. 44].

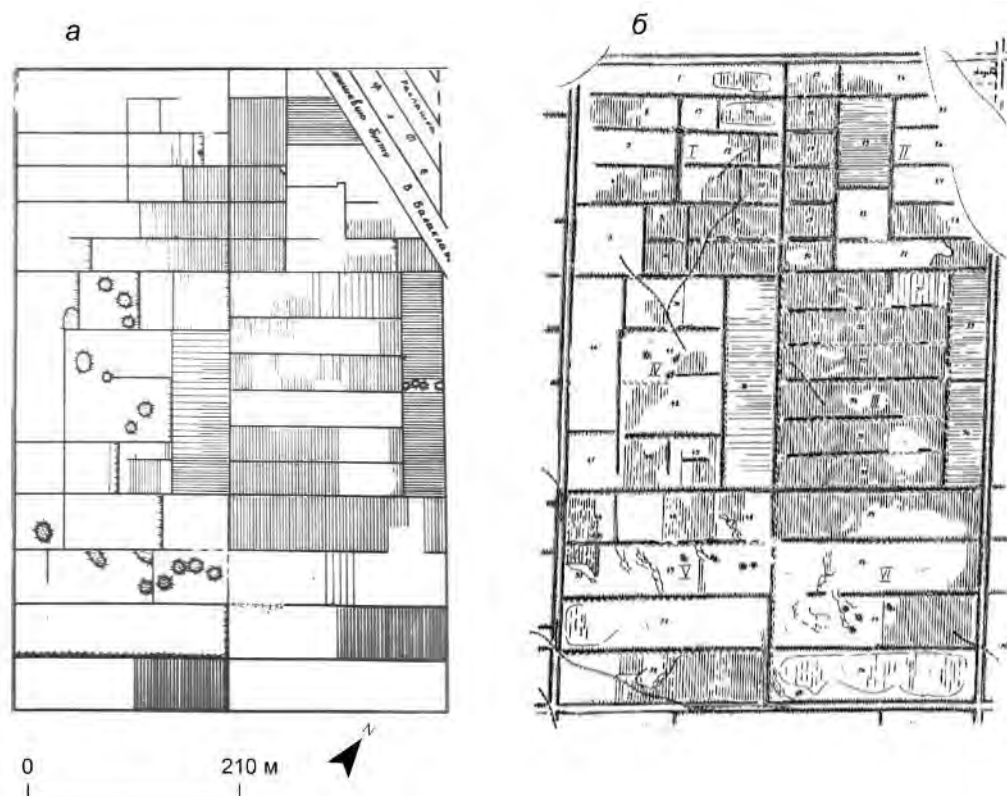

Рис. 18. План блока № 131. А – чертеж, выполненный Г. М. Николаенко. Из архива ГИАМЗ ХТ; б – чертеж Е. Н. Жеребцова [по: 28, Fig. 36].

Е. Н. Жеребцов детально рассмотрел структуру нескольких наделов на Гераклеюском п-ве и сделал выводы относительно их внутренней структуры. Он подчеркнул многообразие методов плантажного строительства, которое выявляется даже на виноградниках одного и того же участка. Это отражается и во внешних признаках плантажа, который иногда представляет собой сеть мощных заборов и

террас, в наши дни все еще возвышающийся над землей на высоту 1,5–2 м, а в других случаях читается только по полосам разреженной травы над плантажными стенами [7; 8, с. 24]. Ему также принадлежит наблюдение о том, что криволинейные очертания внутренних стен участков совершенно несвойственны агротехническим сооружениям эллинистического времени, и поэтому они могут являться верным признаком использования и перепланировки участков в позднеантичное и раннесредневековое время [8, с. 21].

Рис. 19. Евгений Николаевич Жеребцов (1929–?). Фото 1954 г.

Согласно исследованиям Е. Н. Жеребцова, виноградники сооружались двумя существенно разными методами. Согласно первому, виноградник разбивался на всем участке, плантаж через каждые 50 м пересекался перпендикулярными по отношению к плантажу дорогами 3–5 м шириной. При этом террасирования не делалось, и поверхность виноградника сохраняла особенности рельефа местности. В случае применения второго метода ширина виноградников была всегда одинакова внутри стандартного участка – 52,5 м, а террасирование производилось с помощью продольных заборов [8, с. 24, 25]. Основное различие между этими методами состоит в замещении дорог крепидами террас. При первом методе весь подпочвенный камень, не вмещившийся в плантажные стены, уходил на строительство внешних заборов. При втором методе излишки камня складывались в заборы, идущие параллельно границам квадратов со стороной 52,5 м. Первый метод имел преимущество свободного движения по винограднику, зато строительство второго вида плантажей

обходилось гораздо дешевле. Возможно, при выборе метода сооружения плантажей принимались во внимание локальные геологические особенности местности. Руководство работ, вероятно, осуществлялось не самими владельцами участков, а специальными агрономами-профессионалами, в противном случае методов устройства плантажей и внутренней разбивки участков было бы гораздо больше.

Несмотря на важные достижения археологической картографии в области фиксации остатков системы античного размежевания, поистине новая эра в исследованиях хоры Херсонеса наступает только в 1970–1980-е гг., когда исследователи получили доступ к материалам детальной аэрофотосъемки. Информационные возможности этого вида дистанционного исследования на порядок превышают по точности и достоверности данные натурных обмеров и съемок. Этот период исследований будет освещен в нашей следующей статье.

Список использованных источников и литературы

1. Акимченков В. В. «Академия в миниатюре»: Севастопольский музей краеведения (1923–1939) / Под ред. А. А. Непомнящего. – Киев; Симферополь: Антикава, 2012. – 120 с. (Серия: «Биобиблиография крымоведения». Вып. 17).
Akimchenkov V. V. «Akademiya v miniatyure»: Sevastopol'skii muzei kraevedeniya (1923–1939). – Kiev–Simferopol': Antikva, 2012. – 120 s. (Biobibliografiya krymovedeniya. Vol. 17).
2. Белов Г. Д. Херсонес Таврический. – Л., 1948. – 147 с.
Belov G. D. Khersones Tavricheskii. – Leningrad, 1948. – 147 s.
3. Бертъе-Делагард А. Л. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1888. – Т. XIV. – С. 166–279.
Bert'e-Delagard A. L. Ostatki drevnikh sooruzhenii v okrestnostyakh Sevastopolya i peshchernye goroda Kryma // Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei. – Odessa, 1888. – Т. XIV. – С. 166–279.
4. Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 208 с.
Blavatskii V. D. Zemledelie v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ya. – Moskva: Izd-vo AN SSSR, 1953. – 208 s.
5. Гайдукевич В. Ф. История античных городов Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья: Очерки истории и культуры. – М. –Л., 1955. – С. 23–147.
Gaidukevich V. F. Istoriya antichnykh gorodov Severnogo Prichernomor'ya // Antichnye goroda Severnogo Prichernomor'ya: Ocherki istorii i kul'tury. – Moskva–Leningrad, 1955. – С. 23–147.
6. Гриневич К. Э. Исследование подводного города близ Херсонесского маяка. М. 1931. 60 с.
Grinevich K. E. Issledovanie podvodnogo goroda bliz chersonesskogo mayaka. – M., 1931. – 60 s.
7. Жеребцов Е. Н. Новые данные к аграрной истории Херсонеса IV–I вв. до н. э. // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – 1976. – Вып. 145. – С. 14–18.
Zherebtsov E. N. Novye dannye k agrarnoi istorii Khersonesa IV–I vv. do n.e. // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii AN SSSR. – 1976. – Vol. 145. – С. 14–18.
8. Жеребцов Е. Н. Некоторые результаты сравнительного изучения клеров Гераклеяского полуострова // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – 1981. – Вып. 168. – С. 17–26.
Zherebtsov E. N. Nekotorye rezul'taty sravnitel'nogo izucheniya klerov Geraklejskogo poluostrova // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii AN SSSR. – 1981. – Vol. 168. – С. 17–26.
9. Жеребцов Е. Н. Материалы к периодизации античных памятников Маячного полуострова // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – 1985. – Вып. 182. – С. 38–45.
Zherebtsov E. N. Materialy k periodizatsii antichnykh pamyatnikov Mayachnogo poluostrova // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii AN SSSR. – 1985. – Vol. 182. – С. 38–45.
10. Зубарь В. М. Летопись археологических исследований Херсонеса-Херсона и его округа (1914–2005). – Симферополь, 2009. – 495 с. (Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии. Suppl. 6).

- Zubar' V. M. Letopis' arkheologicheskikh issledovaniy Khersonesa–Khersona i ego okrug (1914–2005). – Simferopol', 2009. – 495 s. (Materialy po istorii, arkheologii i etnografii Tavrii. Suppl. 6).
11. Кругликова И. Т. Земельные наделы херсонеситов на Гераклейском полуострове // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – 1981. – Вып. 168. – С. 9–16.
- Kruglikova I. T. Zemel'nye nadely khersonesitov na Gerakleiskom poluostrove // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii AN SSSR. – 1981. – Vol. 168. – S. 9–16.
12. Латышев В. В. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1891–1891 гг. – СПб.: Императорская Археологическая комиссия, 1892. – 64 с. (Материалы по археологии России. № 9. Древности южной России).
- Latyshev V. V. Grecheskie i latinskie nadpisi, naidennye v yuzhnoi Rossii v 1891–1891 gg. – Sankt-Peterburg: Imperatorskaya Arkheologicheskaya komissiya, 1892. – 64 s. (Materialy po arkheologii Rossii. № 9. Drevnosti yuzhnoi Rossii).
13. Моисеев Л. А. Следы ирригации, мелиорации и водоснабжения древнего Херсонеса на Гераклейском п-ве // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. – Симферополь, 1926. – Вып. IX. – С. 115–122.
- Moiseev L. A. Sledy irrigatsii, melioratsii i vodosnabzheniya drevnego Khersonesa na Gerakleiskom p-ve // Zapiski Krymskogo obshchestva estestvoispytatelei i lyubitelei prirody. – Simferopol', 1926. – Vol. IX. – S. 115–122.
14. Николаенко Г. М. Фр. Дюбуа де Монпере о сельских усадьбах на Гераклейском полуострове // Херсонесский сборник. – Севастополь, 1999а. – Вып. X. – С. 107–120.
- Nikolaenko G. M. Fr. Dyubua de Monpere o sel'skikh usad'bach na Gerakleiskom poluostrove // Khersonesskii sbornik. – Sevastopol', 1999a. – Vol. X. – S. 107–120.
15. Николаенко Г. М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV–III вв. до н. э. Ч. 2. – Севастополь, 2001. – 164 с.
- Nikolaenko G. M. Khora Khersonesa Tavricheskogo. Zemel'nyi kadastr IV–III vv. do n.e. Ch. 2. – Sevastopol', 2001. – 164 s.
16. Паллас П. С. Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 годах // Записки Одесского общества истории древностей. – Одесса, 1881. – Т. 12. – С. 62–208.
- Pallas P. S. Puteshestvie po Krymu akademika Pallasa v 1793 i 1794 godakh // Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei. – Odessa, 1881. – T. 12. – S. 62–208.
17. Смекалова Т. Н., Терехин Э. А., Пасуманский А. Е. Реконструкция античной системы межевания хоры Херсонеса Таврического с использованием методов дистанционного зондирования // Вестник древней истории. – 2018. – № 2. – С. 306–332.
- Smekalova T. N., Terekhin E. A., Pasumanskii A. E. Rekonstrukciya antichnoi sistemy mezhevaniya khory Khersonesa Tavricheskogo s ispol'zovaniem metodov distantsionnogo zondirovaniya // Vestnik drevnei istorii. – 2018. – № 2. – S. 306–332.
18. Соколов Ф. Ф. Рец.: Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti. Volumen IV. 1885. Edidit B. Latyshev. Petropoli, 1901 // Журнал Министерства народного просвещения. – 1902. – Ноябрь. – С. 225–231.
- Sokolov F. F. Rec.: Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti. Volumen IV. 1885. Edidit B. Latyshev. Petropoli, 1901 // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. – 1902. – Noyabr'. – S. 225–231.
19. Соломоник Э. И., Николаенко Г. М. О земельных участках Херсонеса в начале III в. до н. э. (к IOSPE I², 403) // Вестник древней истории. – 1990. – № 2. – С. 79–99.
- Solomonik E. I., Nikolaenko G. M. O zemel'nykh uchastkakh Khersonesa v nachale III v. do n.e. (k IOSPE I², 403) // Vestnik drevnei istorii. – 1990. – № 2. – S. 79–99.
20. Стржеleckий С. Ф. Клery Херсонеса Таврического // Херсонесский сборник. – Севастополь, 1961. – Вып. VI. – С. 1–247.
- Strzheleckii S. F. Klery Khersonesa Tavricheskogo // Khersonesskii sbornik. – Sevastopol', 1961. – Vol. VI. – S. 1–247.
21. Суров Е. Г. К истории виноградарства и виноделия в Херсонесе Таврическом // Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. – 1942. – Т. XXVIII, вып. 1. – С. 93–128.

Surov E. G. K istorii vinogradarstva i vinodeliya v Khersonese Tavricheskom // Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. V. I. Lenina. – 1942. – T. XXVIII, vol. 1. – S. 93–128.

22. Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – первая половина XIX вв.). – СПб.: Наука, 2002. – 676 с.

Tunkina I. V. Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh yuga Rossii (XVIII – pervaya polovina XIX vv.). – Sankt-Peterburg: Nauka, 2002. – 676 s.

23. Щеглов А. Н. Первые археологические карты Гераклейского полуострова (к истории археологической топографии) // Проблемы истории отечественной археологии. – СПб., 1993а. – С. 51–53.

Shcheglov A. N. Pervye arkheologicheskie karty Geraklejskogo poluostrova (k istorii arkheologicheskoi topografii) // Problemy istorii otechestvennoi arkheologii. – Sankt-Peterburg, 1993. – S. 51–53.

24. Щеглов А. Н. Основные структурные элементы античной межевой системы на Маячном полуострове (Юго-Западный Крым) // История и археология Юго-Западного Крыма. – Симферополь: Таврия, 1993б. – С. 10–38.

Shcheglov A. N. Osnovnye strukturnye elementy antichnoi mezhevoi sistemy na Mayachnom poluostrove (Yugo-Zapadnyi Krym) // Istoriya i arkheologiya Yugo-Zapadnogo Kryma. – Simferopol': Tavriya, 1993. – S. 10–38.

25. Щеглов А. Н. «Старый» Херсонес Страбона. Укрепления на перешейке Маячного полуострова: топография и фортификация // Проблемы истории и археологии Крыма. – Симферополь, 1994. – С. 8–42, 295–310.

Shcheglov A. N. «Staryi» Khersones Strabona. Ukrepleniya na peresheike Mayachnogo poluostrova: topografiya i fortifikatsiya // Problemy istorii i arkheologii Kryma. – Simferopol', 1994. – S. 8–42, 295–310.

26. Clarke E. D. Travels in various countries of Europe, Asia and Africa. Vol. II. – London: T. Cadell and W. Davies, 1810.

27. Dubois de Montpéreux. Voyage autour du Caucase chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Armenia et en Crimée. 6 vol. – Paris, 1840–1843.

28. Zharebtzoff E. N. Rural allotments of Khersonesos in the 4th–3rd centuries B.C. on the Herakleian peninsula // Saprykin S. Ju. Ancient Farms and Land-Plots on the Khora of Khersonesos Taurike (Research in the Herakleian Peninsula 1974–1990). – Amsterdam, 1994. – P. 121–147.

Smekalova T. N. History of investigations on the chora of Tauric Chersonesos in 1783–1960

The ancient system of land division at the nearer chora of Chersonesos is a very important archaeological source on the economic, social and political history of early democratic state. The significance of this site has been recognized by the world scientific community: since 2013, Chersonesos and its rural territory are included into the UNESCO list of World Heritage Sites. Still as early as the beginning and middle of the 20th century, the remains of the ancient Greek land division system on the Herakleian and Mayachny peninsulas were unique ones within the entire Mediterranean and Black Sea region in terms of their state of preservation. By now, this reference site is considerably disturbed in the course of the military and economic development of Sevastopol. Therefore, in our days, archive materials concerned with field archaeological investigations conducted here until the 1950s, topographic records and maps of the land plots and farmhouses present one of the most important sources for studies of the ancient system of land division at the Chora of Tauric Chersonesos.

Keywords: Tauric Chersonesos, Herakleian peninsula, chora, ancient system of land division, history of investigations of the nearer chora.